

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 29-го Марта 1909 года

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНОВА
БИБЛИОТЕКА КАХ.
Из. №

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9648.

ВЪ СВѢТЛУЮ НОЧЬ.

(Пасхальные силуэты).

I.

Они шли по влажной дорогѣ за село—встрѣчать пасхальную ночь.

Въ маленькой церкви тѣсно, душно, блескъ, огни, громкое пѣніе. А здѣсь, на просторѣ, такъ хорошо, такъ тихо. Мигаютъ звѣзды, вѣтъ синими крыльями ночь, плыветъ нѣжное благоуханіе цвѣтующихъ садовъ. Гдѣ-то далеко шумитъ вода, и кажется, будто проснувшіяся поля и травы ведутъ тихія бесѣды о солнцѣ, о теплыхъ дождяхъ, о ночныхъ росахъ.

Взошли на бугоръ и остановились. Оба были молоды, ранней весною вѣяло отъ нихъ, оба любили другъ друга и никогда, кажется, не любили такъ, какъ въ эту ночь. Всего нѣсколько дней они будутъ вмѣстѣ, а потомъ опять въ разныя стороны, и хотѣлось исчерпать до дна радость недолгой встречи.

Стояли и слушали въ тихомъ и свѣтломъ ожиданіи. Внизу лежитъ село, все въ огонькахъ, въ шорохахъ невидимаго въ темнотѣ движенія. И, какъ свѣтильникъ, сияетъ церковь въ пламенномъ кругѣ ограды.

Съ колокольни то и дѣло срывается тихій звонъ. Синяя даль бережно подхватываетъ мѣдные звуки и несетъ дальше, дальше, въ глубину спящихъ полей.

— Сейчасъ будетъ крестный ходъ,—слышится взволнованній юношескій голосъ, и твердая рука сжимаетъ другую тонкую мягкую руку.

Свѣтятъ звѣзды, и въ призрачномъ свѣтѣ ихъ нѣжно блѣдетъ молодое лицо, радостное, взволнованное.

Задрожали колокола. Поютъ и плачутъ отъ радости мѣдными горячими слезами. Заколыхались огни. Вышелъ и поплылъ вокругъ церкви крестный ходъ. Пѣніе, гулъ колоколовъ и огни. Церковь дрожитъ въ колебаніяхъ свѣта...

Крестный ходъ проплылъ кругомъ церкви и исчезъ, наполнивъ огнями церковь. Умолкли колокола. Стало тихо. Юноша сказалъ:

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ!—отозвалась дѣвушка. Склонились другъ къ другу, крѣпко держась за руки. И дологъ и сладокъ былъ поцѣлуй.

II.

Уложила дѣтей, а сама сѣла возлѣ нихъ и задумалась. Дѣти заснули, грезя о завтрашнемъ днѣ. Ихъ было трое, и все маленькия, крикливыя, и трудно было съ ними. Завтра праздникъ, а одѣть не во что, и не было къ празднику—бѣдность!..

Гимнъ Воскресенію.
(Картина Лингнера.)

И когда дѣти заснули, въ хатѣ ста-
ло тихо,—тихо и мутно.

Она боялась этой тишины. Память, какъ злой недугъ, разворачивала недавнее, и больно ныла душа, и подступали слезы. И думалось все объ одномъ, объ одномъ.

Гдѣ онъ теперь?.. Никто не скажетъ. Доходили разные слухи и многое говорили. А передъ праздникомъ пришли совсѣмъ недобрыя вѣсти. Боже мой, да неужели?.. Страшно было думать, и нельзя было отогнать этихъ думъ. Онѣ, какъ огненные, стояли въ головѣ, жгли и мучили. Ночь сплетала страшные сны, и темнота наполнялась жуткими звуками, пугающими видѣніями. То стонъ послышится, то хрипъ, то промелькнетъ лицо, блѣлое, страшное, искаленное муками и ужасомъ лица... И въ страхѣ хочется бѣжать куда-нибудь, чтобы не видѣть, не слышать, забыть...

Задрожали, запѣли праздничнымъ звономъ колокола.

Вышла изъ хаты. Ночь благоуханная, свѣтлая. Звѣзды ласково взмахиваютъ стрѣльчатыми рѣсицами, что-то шепчутъ.

На площади, какъ видѣніе, стоитъ церковь, вся въ огняхъ, въ тѣняхъ. Идетъ радостная служба. Плынутъ тонкія струйки ладана, доносится шумный всплескъ голосовъ:

— И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ...

Уже. Свершилась радость Воскресенія, и вѣсть о ней идетъ по всему миру. Пѣть-бы и радоваться, и славословить...

Но отчего же нѣтъ радости, темно на сердцѣ, и слезы текутъ по лицу?

Женщина смотрѣть въ темноту тоскующими глазами и шепчетъ, вызывая въ памяти дорогое лицо.

— Христосъ воскресъ!

Но нѣтъ отклика. Ночь молчитъ, и память не повинуется усилиямъ воли. Пусто и темно. И только слезы. Бѣгутъ, какъ осенне дождевые потоки, и, кажется, имъ не будетъ конца.

III.

И нездоровилось, а все таки пошла. Положила въ карманъ красное яичко, нашарила въ темныхъ сѣняхъ палку и пошла. Утреня уже окончилась, идетъ обѣдня, и вокругъ церкви лежитъ живое огненное кольцо, готовя къ освященію пасхи.

Стала, покрестилась на церковь и пошла дальше. Но есть сгорбленная спина, ноги едва волочатся, точно прилипаютъ къ землѣ, не помогаетъ и палка.

Вышла на выгонъ—чуть-чуть посвѣтлѣло. Вонъ бугорокъ, ворота ветхія, за ними, какъ былинки, стоятъ тонкіе крестики. Кладбище.

Туда идетъ старая. Это ея міръ, ея отдыхъ и радость. Только и осталось. Все прошло, какъ сонъ безпокойный, и жизнь стала похожа на сжатое поле; ни травинки, ни колоса, все легло въ могилки, подъ темные бугорки.

А она вотъ зажилась. Живеть, никому ненужная, все перепутала, перезабыла—и лица, и случаи, какіе были въ жизни.

И только кладбище еще связываетъ съ прошлымъ. Пойдетъ туда—точно къ дорогой роднѣ въ гости. Вотъ тутъ мужъ, тутъ дочка, а тамъ сыновья. А дальше еще дочка и внуки. Молодыми померли, а она вотъ живеть. Всѣхъ пережила—и молодыхъ, и старыхъ.

Подошла къ могилѣ мужа. Звонъ идетъ отъ церкви, радостный звонъ,—начали святить пасхи. Склонилась, положила на росистую траву яичко красное и шепчетъ:

— Христосъ воскресе!

И припадаетъ сморщеннымъ лицомъ къ могилѣ.

Гудить, откликается тихими голосами земля. Кто-то поетъ тамъ пѣсню Воскресенія и шепчетъ:

— Воистину воскресъ!

Слышитъ старая и рада, а трудно ей поднять голову, уйти. Ей хорошо здѣсь. Кругомъ все свои, родные. Отъ мужа она перейдетъ къ сыновьямъ, къ дочкамъ, къ внукамъ и всѣмъ скажетъ: «Христосъ воскресе!» И отвѣтъ земля тихимъ вздохомъ: «воистину»...

Тутъ ее и солнышко встрѣтить. Запоютъ жаворонки свои раннія пѣсни, и будеть звать ее тихими голосами проснувшаяся земля...

Пасхальный крестный ходъ.

П. Суржский.

КОЛОКОЛА.

(Carte postale).

Она слушала колокола ранней весною. Лежало прямо черное, влажное поле, жаждущее сѣянья, сулившее обильную жатву; шумъ молодой лѣсокъ, гдѣ уже улыбнулись подсѣжники.

Высоко-высоко въ прозрачной синевѣ тянулись журавли. На днѣ оврага соно бѣжалъ ручей.

И пѣли колокола сельской церкви.

Старая, милая сказка о людскихъ радостяхъ и печалиахъ, кроткое напоминаніе о томъ, что нужно жить для всѣхъ, не для себя одной.

Можеть быть, ей почудилось?

Она слушала колокола ранней весною.

И улыбалась.

**

Она слушала колокола лѣтнимъ утромъ.

Ни свѣкающее нарядное море, ни капризно бѣгущія тучи, ни отважный парусъ не могли сказать ей будущаго.

И пѣли колокола тамъ, въ дымкѣ за портомъ.

Пѣли о томъ, что счастье требуетъ возмездія и ни одна радость не проходитъ даромъ. Тотъ долженъ бояться, кто не зналъ конца утѣхамъ, и тотъ—много страдать, кто мало плакалъ.

Можеть быть, ей почудилось?

Она слушала колокола лѣтнимъ утромъ.

И не повѣрила.

**

Она слушала колокола тусклой осенью.

Въ мокромъ саду ей срѣзали по-слѣдніи хризантемы, а вѣтеръ бѣшено рвалъ ея траурную вуаль. Она прощалась съ родиной, близкими, до-

Пасха у древнихъ христіанъ.

иной встрѣчѣ, иной любви, иномъ обѣзѣ.

Можеть быть, ей почудилось?

Она слушала колокола тусклой осенью.

И не уѣхала.

**

Она слушала колокола зимнимъ вѣчоромъ.

Холодные, рѣзкие звуки лились свободно и замирали не скоро. Внимали имъ вѣковыя, мохнатыя сосны, внимали скованыя озера, затерянныя вѣхи, уѣгающая лентой дорога.

И пѣли колокола, хотя кругомъ была пустыня.

Пѣли о всемъ, о все-могуществѣ времени, о счастьѣ, если сиѣть покроестъ душу и защититъ ее отъ міра.

Можеть быть, ей почудилось?

Она слушала колокола зимнимъ вѣчоромъ.

И смирилась.

Анна Маръ.

МИНІАТЮРЫ.

Кубокъ.

Я бросилъ свой драгоценный кубокъ на землю, и онъ разлетѣлся на тысячи мелкихъ сверкающихъ осколковъ.

Онъ былъ пустъ: влага изсякла, и только драгоценные камни сверкали, а капли слезъ на днѣ его были еще ярче ихъ.

Разбить... Какъ онъ ярко свѣтятъ даже сквозь мракъ!

Закрою скорѣй глаза, чтобы не видѣть, но сиянье ихъ проникаетъ мнѣ въ душу.

Я наступаю на нихъ ногой, топчу ихъ и кричу отчаянно, безумно, что это просто глиняные чепушки съ поддельнымъ ложнымъ блескомъ, но еще ярче, еще ослѣпительне ихъ свѣтъ.

Разбить... Разбить...

Въ немъ, вѣдь, была влага жизни: это была моя любовь.

О, торжествующая жестокость жизни!...

Ночью.

Ночью, когда замолкаютъ всѣ другіе голоса, я слышу голосъ моей души.

О чѣмъ это она? Постѣ или плачетъ? И все о цвѣтущемъ кустѣ розъ...

Большія, бѣлые розы—какъ ихъ много!

Склонились за рѣшетку, и всѣ молчатъ.

А дальше—сосны, безрадостныя, задумчивыя.

Это онѣ предвѣщали мнѣ что-то грозное, и предчувствіемъ сжималось мое сердце.

Нѣжный ароматъ былъ, и на землѣ много бѣлыхъ лепестковъ...

...Душа твоя, какъ этотъ садъ съ благоуханіемъ розъ и глубиной тайны...

Цвѣтущий садъ и ты—эти образы слились для меня въ одно нераздѣльное.

Не отнимай ихъ, ты отнимешь мое лучшее...

Катаніе яицъ въ теремѣ.

— И ночью, когда замолкаютъ всѣ другіе голоса, я слышу голосъ моей души.

Разбить... Какъ онъ ярко свѣтятъ даже сквозь мракъ!

Закрою скорѣй глаза, чтобы не видѣть, но сиянье ихъ проникаетъ мнѣ въ душу.

Я наступаю на нихъ ногой, топчу ихъ и кричу отчаянно, безумно, что это просто глиняные чепушки съ поддельнымъ ложнымъ блескомъ, но еще ярче, еще ослѣпительне ихъ свѣтъ.

Разбить... Разбить...

Въ немъ, вѣдь, была влага жизни: это была моя любовь.

О, торжествующая жестокость жизни!...

Въ сумеркахъ.

Пролетѣли какія-то птицы, много ихъ.

Неподвижно стоять деревья, какъ въ молитвѣ, какъ въ предчувствіи огромнаго радостнаго чуда

— скоро, вѣдь, весна.

Показалась первая звѣздочка...

Загляни и ко мнѣ въ окно, первая тихая звѣздочка, побудь со мной въ момъ сѣмъ сумракѣ и одиночествѣ.

Расскажи мнѣ весеннюю сказку, чтобы расправились свернувшись лепестки моей души.

Знаешь-ли, куда скрылись печальная осенняя фея съ льняными волосами и туманными глазами?

Скоро-ли уйдутъ и бѣлые карлики?

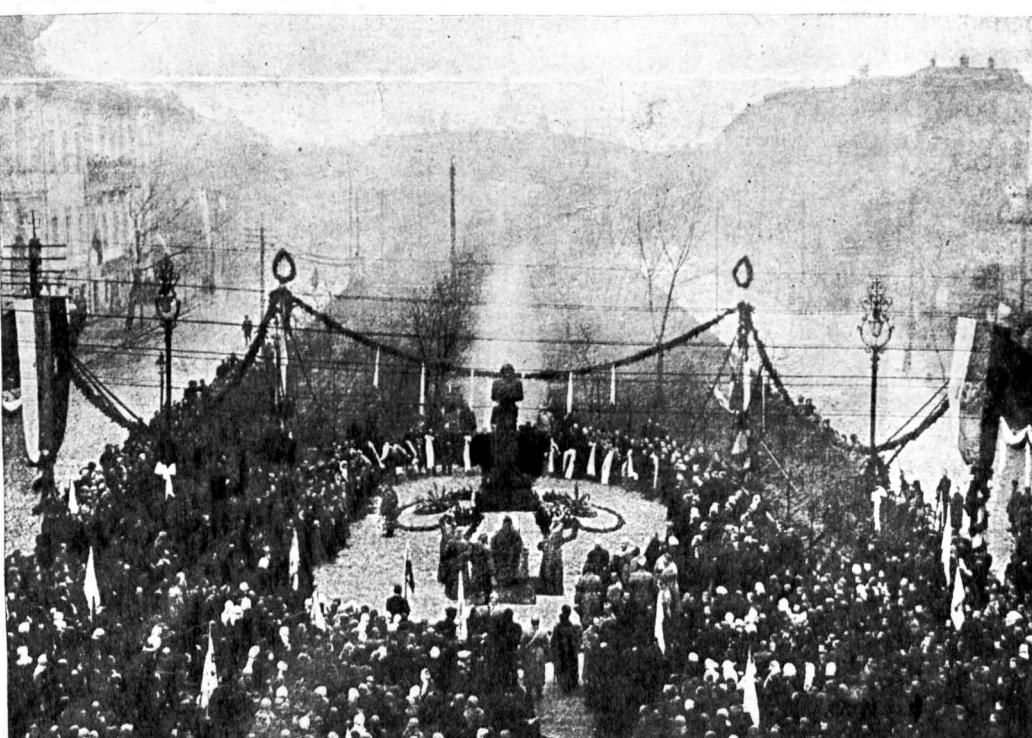
Какъ они пригнутся къ землѣ и закричатъ!

Они, навѣрное, сорвутъ подсѣжники на прощанье.

Расскажи, золотая моя, какъ просыпаются эльфы въ свернувшихся листьяхъ и улыбаются пока еще бѣлѣйной улыбкой, отъ которой зацвѣтаютъ фіалки.

Нѣтъ, лучше расскази, какъ сходить на землю темная ночь въ золотой коронѣ; вотъ она наклоняется и раскрываетъ кусты розъ.

Расскажи, о чистая...

Освященіе памятника Н. В. Гоголю въ Харьковѣ, 20 марта.

локоль этотъ, названный „колоколъ свободы“, сохраняется какъ реликвія, и въ данное время, въ виду наступившаго столѣтія со дня смерти народнаго героя Георгия Вашингтона — первого президента республики, этотъ исторический колоколь развозится по странѣ. Громадныя толпы янки идутъ поклониться старому колоколу, впервые возвѣшившему правдѣдамъ янки вѣсть о свободѣ.

Луна и земля.

Пюизе въ замѣчательномъ трудѣ своемъ, вышедшемъ на дняхъ въ Парижѣ, сравниваетъ луну и землю; и его краснорѣчивыя цифры и факты свидѣтельствуютъ, что различія между обитаемой нами планетой и на-

шимъ спутникомъ громадна и поразительна. Лунный день продолжается двадцать восемь нашихъ земныхъ дней; изъ нихъ четырнадцать дней—послѣдовательно—лунная поверхность подвергается дѣйствію солнца, а остальные четырнадцать дней постепенно охлаждаются. А такъ какъ атмосфера, которая находится на лунѣ, по своей плотности едва ли достигаетъ одной сотой нашей атмосферы, то нагреваніе, не встрѣчая на своемъ пути сопротивленій, должно быть на лунѣ ужасающей энергіи. Нѣкоторые астрономы вычисляютъ его въ нѣсколько-

СМѢСЬ.

Колоколь свободы.

Въ 1776 году въ Филадельфіи была объявлена декларациѣ независимости С. Штатовъ отъ Англіи. Патріоты Америки звонили въ это время въ колоколь одного городского зданія до тѣхъ поръ, пока колоколь не даль трещины—отъ радости. Съ тѣхъ поръ—ко-

ко сотъ градусовъ. Зато и охлажденіе тоже громадное—той же самой амплитуды, т. е. до двухъ сотъ градусовъ ниже нуля.

Если есть на лунѣ какія-нибудь живыя существа, то воображеніе отказывается представить себѣ ихъ строеніе, до того оно отлично должно быть отъ нашего строенія. Совсѣмъ другая анатомія и физіология, а вѣрнѣе всего—на лунѣ нѣть жизни. Воды на лунѣ тоже нѣтъ, но возможно, что она когда-нибудь существовала и потомъ совсѣмъ исчезла; возможно также, что слѣды воды можно было бы найти на той сторонѣ луны, которая никогда не бываетъ намъ видна, вслѣдствіе курьезнаго устройства нашего спутника. Притяженіе землею оказываетъ такое сильное вліяніе на луну, что быстрое вращательное движение, которымъ это тѣло одарено было съ самаго начала, стало прогрессивно одинаковымъ съ обращеніемъ его вокругъ земли. Луна бѣгаєтъ вокругъ земли, какъ бѣгаеть яблоко на бичевкѣ вокругъ руки. Но въ силу закона центробѣжности развѣ не могла вода, а также и газы собраться на такой части луннаго шара, которая наиболѣе отдалена отъ центра земли?

* *

Зима и мракъ. Потомъ весна и свѣтъ,
Улыбки женщинъ, синева фіалокъ...
И міръ, весенней радостью
одѣтъ,
Не такъ, какъ прежде, бѣденъ, голъ и жалокъ.
Весна и свѣтъ... Зимы и мрака нѣтъ.

И все открыто: храмы и душа,
Деревьевъ почки, и у оконъ
рамы...
Стучать пролетки, улицу
глуша,
И говорять колоколами
храмы...
И жизнь красна, хмѣльна и
хороша.
Въ душѣ и небѣ буйный пе-
резвонъ...
Прекрасны лица нѣжностью
улыбки...
Сердцами всѣхъ владѣтъ
красный сонъ...
И, какъ березки, женщины
всѣ гибки,
И каждый въ нихъ, какъ
юноша, влюбленъ.

И сердца стукъ, и шумныхъ
улицъ зовъ,
Звучать въ одно, какъ свѣт-
лый гимнъ весенній,
И вторитъ имъ подборъ коло-
ковъ...
Пора весеннихъ красныхъ
обновленій...
Земныхъ, но къ небу подня-
тыхъ, цвѣтовъ.

Семенъ Губеръ.

НАВОДНЕНИЕ ВЪ ПАВЛОГРАДѢ.

Скопленіе льда на р. Волчьей у бетонного моста.

Разливъ рѣки Волчай.

Сторожевая будка на шоссе изъ города къ вокзалу.